

М. В. Костромичева

**ПРИЗНАКИ ПОТЕРПЕВШЕГО В
СТ. 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ:
ПОПЫТКА ТОЛКОВАНИЯ**

Одной из отличительных особенностей ст. 282 УК РФ является широкий спектр признаков потерпевшего, представленных в данной норме, диспозиция которой включает «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации». Известно, что признаки потерпевшего могут быть общими («физическое лицо», «гражданин» и др.) и специальными («невменяемый», «несовершенно-летний» и др.), содержать количественные («лицо», «группа лиц» и др.) и качественные («военнослужащий», «государственный деятель» и др.) характеристики [Анощенкова, 2006]. Как видно из представленного текста ст. 282 УК РФ, в диспозиции данной нормы представлены как количественные, так и качественные признаки потерпевшего.

С.В. Анощенкова отмечает, что «некоторые признаки потерпевшего имеют значение при криминализации и квалификации преступлений» [Анощенкова, 2006]. Наличие одного или нескольких признаков потерпевшего, выделяемых в диспозиции ст. 282 УК РФ, является обязательным при выявлении состава преступления по сути данной нормы. Сразу отметим, что по сути ст. 282 следует говорить только о физическом лице в качестве потерпевшего, поскольку сами деяния, составляющие объективную сторону преступления, могут относиться только к физическому лицу (лицам). Испытывать ненависть можно только к людям, даже когда эти люди входят в объединение, имеющее статус юридического лица (например, являются членами политической партии), тем более нельзя унижить достоинство организации (но можно нанести вред ее репутации), так как юридическое лицо – организация не может испытывать нравственных и физических страданий (но может нести убытки) [Скловский, 2005].

Количественная характеристика потерпевшего в диспозиции ст. 282 УК представлена терминами «человек» и «группа лиц». При этом, как следует из синтаксического строения диспозиции, данная характеристика относится только ко второму виду деяния, а именно – к унижению достоинства. И здесь возникает проблема понимания количественного состава потерпевших по первому виду деяния (возбуждение ненависти либо вражды). Так, существует мнение, что пропаганда исключительности либо, наоборот, неполноценности может иметь место только в том случае, когда речь идет не об отдельных

представителях этнических групп или религиозных конфессий , а в целом об этих группах или конфессиях [Уголовное право России, 2006]. Возникает вопрос: возбуждение ненависти к отдельному лицу именно в связи с его национальной или религиозной принадлежностью образует состав преступления по сути ст. 282? Можно ли считать преступным возбуждением вражды к лицу такое, например , высказывание (речь идет о Николае Сванидзе): «По-моему этот грузинский еврей – самый тупой из этой когорты. На него грех, убогого, обижаться. А вот допускать его на русские каналы, кормить с русской руки не надо. Для этого есть еврейская и грузинские диаспоры»³⁸? В данном высказывании , помимо прямых оскорблений в адрес Н. Сванидзе , содержится и выражение дискриминационного отношения к нему в форме призыва ограничить доступ лица к определенному виду деятельности по национальному признаку, что является одной из форм возбуждения вражды [Наумов, 2005].

Возражая против термина «лицо», употребляемого законодателем, Н.И. Матузов пишет: «Этот термин, по существу, не является научной социологической категорией, стоящей в ряду таких понятий, как личность, человек... гражданин. Это всего лишь обиходное выражение...» [Анощенкова , 2006]. Точка зрения спорная – как юридическая категория термин «лицо» вполне употребим. Проблема же, как представляется, может заключаться в другом, а именно – в использовании понятия «группа» (данный термин в диспозиции статьи встречается дважды). На первый взгляд, законодатель стремится наи-более широко в количественном плане представить возможный круг потерпевших, см., например: «направленность действия на унижение националь-ного достоинства небольшой группы или даже отдельных представителей определенной нации определяется именно его принадлежностью к данной нации. При совершении преступления в этой форме определяющее значение принадлежит не личности потерпевшего и его персональным качествам, а его принадлежности к той или иной нации» [Уголовное право России, 2006]. Однако возможен и другой взгляд: если в правовой норме речь идет только о группе лиц, то можно ли говорить об отнесении деяния ко всем представите-лям (национальности, религии) в целом? Совершенно справедливо замечание М.А. Осадчего: «Вопрос отнюдь несправедливый: статья 282 УК однозначно предусматривает ответственность за возбуждение негативных эмоций в адрес отдельного представителя (представителей) группы («человека либо группы лиц»). С этой точки зрения относительно мало проблем вызывают случаи, когда в материалах экстремистского содержания хотя и не содержатся обра-зы конкретных лиц, но выражена агрессия в отношении «представителей» группы. <...> В то же время неясно, какую оценку давать текстам, в которых не содержится ни конкретных персонажей, ни открытого побуждения к дей-ствиям против представителей группы – только обобщенный негативный об-раз самой группы» [Осадчий, 2007, с. 70–71]. Следует отметить, что «форми-

³⁸ См.: Сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит // <http://orel-dozor.livejournal.com/83964.html>

рование негативного образа всей группы» обычно вводится в список наиболее типичных используемых средств возбуждения национальной вражды [Уголовное право России, 2004].

Обратившись к качественным (демографическим, по классификации С.В. Анощенковой) признакам потерпевшего (а именно, признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе), мы увидим, что вопросов здесь возникает не меньше.

Так, по нашему мнению, в рамках ст. 282 наименее востребованным (с точки зрения правоприменения) является признак пола («пол» – «Каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных типов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок)» [Современный толковый словарь русского языка, 2008, с. 564]). Если проблемы дискриминации по половому признаку на сегодняшний день еще существуют (например, при приеме на работу), то практически трудно представить, в чем конкретно может воплотиться «действие, направленное на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства» по признаку пола (не считать же таковым, например, высказывание «все бабы – дуры»). Если обратиться к законодательству других стран (например, США), где практика применения законодательства о преступлениях на почве ненависти ориентирована на защиту прав социальных групп, исторически наиболее подверженных дискриминации и притеснению, то здесь, при всей односторонности такого подхода [Антипов 2008], признак «пола» трансформировался в признак «сексуальной ориентации» и «факт смены потерпевшим своего пола (трансгендерность)»: «основной признак преступлений на почве ненависти состоит в следующем: ответственности подлежат лица, умышленно совершающие посяательства на представителей определенных социальных групп из-за того, что те наделены некоторыми особенностями» [Там же]. В российской же практике данное положение не работает. Например, в высказывании тамбовского губернатора Олега Бетина «Толерантность?! К черту! Гомиков надо рвать. И по ветру бросать их куски» состава преступления (по ст. 282) не нашли, поскольку «гомосексуалисты не являются отдельной социальной группой» [Тельпис, 2008], при этом, как видим, вопрос «пола» и не рассматривался, речь шла только об отнесении гомосексуалистов к социальной группе. Сегодня можно только предполагать, изменится ли российское законодательство в сторону «гипертолерантности» по признаку сексуальной ориентации, но то, что положение о возбуждении ненависти либо вражды или унижения достоинства по признаку пола требует правового разъяснения – это факт.

Наиболее ясными являются такие признаки, как раса и национальность. Национальность – это обобщенное обозначение таких понятий, как нация, народность и т.п.; обозначение принадлежности человека (или группы людей) к определенной нации (или группе) [Исаев, 2003, с. 101]. В ряде романских государств национальность – термин, применяемый для обозначения

гражданства или подданства, а также отношений принадлежности лица к определенному национальному государству, не совпадающих полностью по своему содержанию с отношениями гражданства (так, в Мексике гражданами признаются лица, обладающие мексиканской национальностью, достигшие совершеннолетнего возраста и, кроме того, «ведущие достойный образ жизни» [Барихин, 2006, с. 387–388]). Раса – «исторически сложившаяся часть человечества, объединенная общностью наследственных физических признаков (цветом кожи, глаз, формой волос, черепа и др.» [Современный толковый словарь русского языка, 2008, с. 680]. Принято выделять четыре больших расы: негроидную, близкую к ней австролоидную, европеоидную и монголоидную. За ними закрепились атрибутивные названия по цвету кожи их представителей: черная (негроидная и австролоидная), белая (европеоидная) и желтая (монголоидная) расы.

На первый взгляд, понятия «национальность» и «раса» в достаточной мере отражают именуемый признак. Однако следует отметить, что для российской действительности актуальны и такие понятия, как «лицо кавказской национальности» и более широкое – «лицо южной национальности», при этом к последнему относят жителей не только Кавказа и Закавказья, но и Средней Азии, то есть налицо объединение в рамках одного понятия лиц, имеющих разную национальность и принадлежащих к разным расам (см., например, «чурка»: «Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии» [Елистратов, 2005, с. 470]³⁹). И такая неопределенность может иметь правовые последствия. Так, летом 2009 г. многие СМИ озвучили заключение эксперта петербургского Центра судебных экспертиз Елены Кирюхиной, которая не смогла однозначно определить ксенофобский характер выкриков «Убивай хача, мочи хача!», «Бей чурбанов, бей черных!», «Убей хачей!» (которыми сопровождалось групповое избиение школьника Тагира Керимова), ссылаясь, в том числе, и на «расплывчатость значения» этнонимов «хач», «черный», «чурбан»⁴⁰. Исходя из лексикографической трактовки ненормативных этнонимов (ср.: хач: «Мол. Пренебр. Житель Кавказа»; хачик: « жарг. Азербайджанец» [Квеселевич, 2003, с. 922], «Пренебр. 1. Армянин. 2. Представитель одной из кавказских народностей» [Мокиенко, Никитина, 2001, с. 644]), приходится признать, что для заявления о «расплывчатости значения» у эксперта

³⁹ Отдельно следует поставить вопрос о правомерности использования в дефинициях приведенного здесь лексикографического источника самих формулировок «Т.н. «лицо кавказской национальности», «Т.н. «лицо южной национальности», например: *обезьяна* – «Т. н. «лицо южной национальности»» [Елистратов, 2005, с. 254], *черножопый, черномазый* – «1. Негр. 2. Т. н. «лицо южной национальности»» (кавказец или житель Средней Азии)» [Там же, с. 463], а также об отсутствии каких-либо помет при явно оскорбительных номинациях.

⁴⁰ В тексте экспертизы: «...Призывы «Убивай хача, мочи хача!», «Бей хача!», «Бей чурбанов!», «Бей черных!» в отношении представителей этнокультурной группы народов Кавказа из-за расплывчатости значения слов «хачей», «черных», «чурбанов» может употребляться как иронически, в шутку, так и всерьез, с агрессией; смысл его употребления в максимальной степени зависит от коммуникативной ситуации...» [Тучинская, 2009а; 2009б].

были (конечно, чисто формальные) основания. Отметим: повторная (комиссионная) экспертиза опровергла это заключение.

В свете сказанного, может быть, стоит вообще задуматься над использованием одного – обобщающего – термина, который мог бы снять указанные проблемы. По нашему мнению, такую задачу могло бы решить введение понятия «этнический признак», учитывая научное представление об этносе как о сложной системе, включающей разнообразные параметры: «При этом каждый из этнических параметров может иметь и свою форму, и свое содержание. Отдельные факторы, признаки не выделяют этнос как тип, но будучи пропущенными через призму самосознания, они формируют и тип этноса. Так, например, к одному этносу могут относиться люди, принадлежащие к разным расам или даже говорящие на разных языках» [Герд, 2001, с. 50–51].

Как известно, в основе ненормативных этнонимов могут лежать разные мотивирующие признаки: среда обитания (обозначения географической реальности, объектов животного мира, объектов растительного мира); язык (типичный для определенного этноса антропоним, имитация такого антропонима, слово из речи, специфика фонетической организации речи, акцента); внешний вид и перцептивный образ (особенности пигментации кожи (черная или смуглая); разрез глаз (узкие); форма носа (большой, с «горбинкой»); образ жизни и деятельности, быт (пищевые привычки, одежда, специфика домашнего хозяйства); политический, социальный, религиозный статус; национальные черты характера; культурные аллюзии [Березович, 2007, с. 118-123]. Каждый из представленных признаков в случае использования ненормативного этнонима неразрывно связан с понятиями национальности или расы. Например, этнофолизмы⁴¹ «косоглазый», «узкоплечный» отражают внешний вид именуемого лица и одновременно содержат указание на узкий разрез глаз как характерную черту монголоидной расы. Языковые и национальные особенности при образовании этнофолизмов также тесно переплетены. Например, номинация «абрамгутанг» («еврей») – результат сложного процесса: контаминации популярного еврейского имени собственного (Абрам) и зоометафоры («орангутанг»). На основе использования характерного словообразовательного для образования национальных фамилий типа создаются фамилии-этнофолизмы: например, в этнониме «пшебздинский» («поляк») актуализируются несколько признаков – словообразовательный тип, характерный для образования национальных фамилий, пародирование типичных для польского языка шипящих звуков и наложение узнаваемого грубо-просторечного слова. Таким образом, образование ненормативного этнонима происходит по двум признакам одновременно – национальному и языковому.

И здесь мы возвращаемся к понятию национальности, которая определяется совокупностью целого ряда факторов, но прежде всего языком, приверженностью к традициям и культуре определенного народа. По нашему

⁴¹ Этнофолизмы – уничижительные наименования другого этноса [Грищенко, Николина, 2006, с. 175].

мнению, любой вид разжигания розни по языковому признаку автоматически включается в разжигание национальной розни. И в таком случае возникает закономерный вопрос: зачем отдельно выносить языковой признак в диспозицию ст. 282, если данный признак является одним из основных при определении национальной принадлежности? И вновь отметим: введение термина «по этническому признаку» (в качестве обобщающего для понятий «нация», «раса», «язык») могло бы снять вопрос о разжигании «языковой розни».

При выявлении факта разжигания розни по признаку отношения к религии также могут возникнуть определенные сложности. Приведем один характерный пример. Представители конфессиональных групп, не относящихся к основным мировым религиям, обычно очень болезненно реагируют на именование «секта», при том, что в русском языке, если ориентироваться на данные лексикографических источников, само по себе слово «секта» не содержит негативной оценки и употребляется в констатирующем значении «Религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви» [Словарь русского языка, 1984, с. 71]. При анализе спорного текста вполне правомерно может возникнуть вопрос об оценке противопоставления православной религии и сектантства как о разжигании религиозной розни, см., например, высказывание: «сектантство подрывает глубинные устои православной веры как основополагающей в нашем обществе, а значит, и в самой России» [Ба-лакин, 2007]. Но оппозиционность к господствующим религиям есть естественное свойство любого религиозного течения, подпадающего под понятие секты: подобный вывод позволяет сделать тот факт, что указание на противопоставление сектантства включено в дефиницию слов «секта» – «Религиозное объединение, исповедующее вероучение, отличающееся от принятого Церковью и противопоставленное ему» [Толковый словарь современного русского языка, 2005, с. 713], «сектантство» – «Общее название различных религиозных групп, общин, отколовшихся от какой-л. из господствующих религий (буддизма, ислама, христианства и др.) и находящихся к ним в оппозиции» [Словарь русского языка, 1984, с. 71]. Можно ли считать приведенное выше высказывание противопоставлением интересов разных конфессиональных групп, подпадающим под понятие «возбуждение религиозной вражды», или только констатацией факта, что такое противопоставление существует, если оппозиционность интересов православия и сектантства – это признанный факт? Проблема трудноразрешима⁴².

Следующий признак, вынесенный в диспозицию анализируемой нормы, – происхождение, которое определяется как «принадлежность по рождению (к какой-л. социальной группе, местности и т.п.)» [Современный толковый словарь русского языка, 2008, с. 633]. По нашему мнению, признак принадлежности по рождению к какой-либо местности перекрещивается с этническим признаком и на практике находит выражение в использовании, в ча-

⁴² См. подробный анализ спорного текста [Власова, Костромичева 2009, с. 12–19].

стности, этнофолизмов (см. «чурка» – « о коренном жителе Кавказа или Средней Азии» [Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи, 2004, с. 718]).

Происхождение как принадлежность к какой-либо социальной группе является полным повтором последнего выделенного в диспозиции ст. 282 признака: «а равно принадлежности к какой-либо социальной группе». Данный признак позднее других был введен в ст. 282 (в 2003 г.), и именно с ним связано подавляющее большинство претензий, предъявляемых к данной статье УК. Как показывает практика применения нормы, когда «социальными группами» признаются «чиновники», «работники мэрии» и под., претензии вполне обоснованны, но вопрос о правовом применении понятия «социальная группа» по сути ст. 282 остается как никогда актуальным.

Само по себе понятие «социальная группа» является весьма неопределенным, что становится понятным при обращении к специализированным социологическим источникам. Так, понятие «социальная группа» определяют как «объединение индивидов, взаимодействующих между собой в рамках принятых норм для достижения групповых целей » [Социология, 2008, с. 898], «совокупность людей, выделенная на основе какого-либо одного или нескольких общих для них социальных или психологических признаков» [Немов, Алтунина, 2008, с. 349], а согласно «Большому толковому социологическому словарю», «группа – коллектив или множество индивидов (людей или вещей), ограниченных неформальными либо формальными критериями членства. Социальная группа существует тогда, когда ее члены вовлечены в социальные интеракции, включающие взаимные роли и связи. <...> С точки зрения членства, социальные группы могут быть также относительно открытыми и подвижными (группы друзей) и закрытыми и неподвижными (масонские ложи)» [Джерри, Джерри , 2001, с. 147–148]. Если попытаться более подробно рассмотреть понятие « социальная группа», то мы вынуждены будем прийти к неутешительному (в смысле правоприменения) выводу: под данное понятие подходят абсолютно все объединения людей – от группы друзей до человечества вообще, недаром «по Альбиону Смолу, термин «социальная группа» является «наиболее общим и бесцветным термином, используемым в социологии в отношении к сочетаниям людей»» [Там же]. Подводя итог нашим размышлениям, приведем следующее мнение (высказанное по поводу «экстремистского хулиганства», но вполне подходящее и к ст. 282 УК РФ): «если мотив расовой, национальной, этнической, религиозной и даже идеологической ненависти или вражды более-менее понятен, то совершенно неясно, что представляет собой мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Беда в том, что отсутствуют сколько-нибудь ясные критерии для отнесения людей к той или иной социальной группе. Какими они должны быть: имущественными, профессиональными, служебными, основанными на общности интересов, формализованными или нет – неизвестно <...>. В складывающейся ситуации как «экстремист-

стское» хулиганство (со всеми вытекающими юридическими последствиями) можно расценить и первомайские призывы сторонников компартии типа «долой богатых», и оскорбительные выходки фанатиков какого-либо фут-больного клуба в отношении других болельщиков, и нецензурную брань про-валившего сессию студента-неудачника в отношении профессорско-преподавательского состава вуза, и т.д., и т.п. Интересно, а может ли быть признано «экстремистским» хулиганством враждебное (и рекламируемое с экрана) поведение героев бесчисленных телесериалов о работниках правоохранительных органов по отношению к профессиональным или рецидивным преступникам, т. е. к лицам, принадлежащим ко вполне определенной социальной группе?! Отсутствие приемлемых правовых признаков какой-либо социальной группы по существу размывает границы уголовной репрессии: при желании хулиганом-экстремистом можно считать любого человека, выразившего в грубой, циничной форме несогласие с поведением или образом жизни представителя (представителей) какой-нибудь общности, не запрещенной законом» [Кибальник, Соломоненко 2008].

Обобщая все вышесказанное, согласимся с мнением М.А. Осадчего: «термин «социальная группа» потенциально имеет несколько толкований. Под социальной группой можно понимать любые группы, составляющие социум. К таковым относятся и расовые, и национальные, и религиозные, и языковые группы – как элементы человеческого общества. Однако термин «социальная группа» может иметь и более узкое определение (которое, по всей видимости, и подразумевает закон): совокупность человеческих индивидов, объединенных социальными (неприродными, небиологическими) признаками, как то: профессия, политические и философские убеждения, хобби, стиль жизни, место проживания и т.п. Этот список принципиально бесконечен» [Осадчий 2007, с. 67]. Добавим, что принципиальная бесконечность списка, предложенного М.А. Осадчим, вряд ли сможет улучшить правоприменение. И в связи с этим, считаем, что официальное разъяснение по поводу понятия «социальная группа» – это насущная необходимость. Такое разъяснение должно опираться, прежде всего, на реальную судебную практику (на-пример, на случаи, связанные с квалификацией в качестве социальных групп лиц, объединенных профессиональными интересами, входящих в различные общественные объединения, политические партии). Как социальные группы, обязательно подлежащие правовой защите, должны быть выделены и группы лиц, статус которых в сознании подавляющего большинства людей традиционно высок, такие как ветераны, пенсионеры (в том числе, объединенные и общим профессиональным признаком⁴³). Так, примером унижения достоинства по признаку принадлежности к социальной группе, заслуживающим, по нашему убеждению, правовой оценки, является оскорбление ветеранов, которых «бывший диссидент» Александр Подрабинек назвал «вертухаями» и

⁴³ См. о частном случае оскорбления отставных военных [Костромичева 2009, с. 119-124].

«палачами». Отметим, что даже факт такого явного оскорбления вызвал неоднозначную реакцию⁴⁴. Участники движения «Наши» устроили пикет у дома Подрабиника, что было расценено как травля «журналиста-правозащитника» и повлекло, в свою очередь, оскорбления в адрес членов движения (тоже, к слову, представителей социальной группы), названных в прессе «политические шавки», «онашисты»⁴⁵.

Отметим, что приведенное выше мнение М.А. Осадчего по поводу признака «принадлежность к социальной группе» является едва ли не единственным, выраженным более или менее конкретизированно. Обычно в комментариях к Уголовному кодексу только упоминается о криминализации действий, направленных на пропаганду социальной розни без разъяснения самого понятия. Даже признанный специалист в области лингвистической экспертизы вербального экстремизма Е.И. Галяшина, приведя несколько определений термина «социальный», довольно уклончиво завершает: «Таким образом, термин «социальный» наиболее широкий по содержанию, которое включает в себя признаки «религии», «пола», «происхождения», «языка», перечисленные выше. К сожалению, объем работы не дает возможности рассмотреть их подробно, тем не менее полагаем не лишним дать в этой работе еще ряд кратких толкований основных понятий» [Галяшина, 2006, с. 47] (далее следуют определения понятий «религия», «язык», «происхождение» и «пол»). Желание уйти от комментария вполне объяснимо: на сегодняшний день «принадлежность к социальной группе» – самая неопределенная и спорная часть 282 статьи УК РФ. Наш вывод может показаться парадоксальным, но если «социальный» признак является объединяющим для всех остальных признаков потерпевшего, то все без исключения признаки могут быть объединены в диспозиции анализируемой нормы, а само деяние, образующее состав преступления по сути ст. 282 УК РФ, может быть представлено как «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе» либо «действия, направленные на разжигание социальной розни». В любом случае, многие упреки в адрес неоднозначного правоприменения в области «разжигания социальной розни» могут быть сняты, если будет выработана единая правовая концепция понятия «социальная группа», а при разъяснении данного понятия будет достаточно ясно определен круг групп, которые следует считать «социальными группами» как по букве, так и по духу закона.

Представленные здесь размышления мы обозначили как попытку толкования, хотя понимаем, что, по сути, вряд ли наше исследование внесло ясность в поставленные вопросы. Единственный очевидный вывод заключается в том, что эффективное правоприменение 282 статьи Уголовного кодекса РФ будет возможно только тогда, когда будут даны официальные разъяснения законодателя по вопросам правоприменения данной нормы, основанные как

⁴⁴ См.: [Лекарев 2009], [Вассерман 2009], [Кузовлев 2009], [Пастухов 2009] и др. публикации.

⁴⁵ По поводу последнего см., например, отнесение к инвективным специальным негативно-оценочных окказиональных образований, создаваемых с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п. (*коммуняка, дерьмократ* и т.п.) [Грачев, Маркова, 2009, с. 53].

на анализе имеющейся практики, так и на переосмыслении и корректировке самих понятий, входящих в диспозицию статьи.

Библиографический список

1. Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 248 с. /Справочно-правовая система Консультант Плюс/.
2. Антипов Д.Н. Законы США о преступлениях на почве ненависти (hate crime laws) как модель криминализации общественно опасных форм экстремизма // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 1. /Справочно-правовая система Консультант Плюс/.
3. Балакин В. Мценский срез // Орловский вестник. – 21 марта 2007 г. – № 12 (№ 760).
4. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: «Индрик», 2007.
5. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004.
6. Вассерман А. Шизофреническая глупость и воинствующее свинство // Экспресс-газета. – 5 октября 2009 г. – № 40 (765).
7. Власова Л.А., Костромичева М.В. О лингвистической оценке спорных высказываний с актуализированным религиозным компонентом // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск одиннадцатый. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 12–19.
8. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. – М.: Юридический мир, 2006.
9. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.
10. Грачев М.А., Маркова Т.Д. Языковой экстремизм: из опыта лингво-экспертных исследований. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009.
11. Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Коллективная монография. / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. // Труды Уральского МНИОНа. – Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
12. Джери Давид, Джери Джулия. Большой толковый социологический словарь. – Т. 1. – М.: Вече, 2001.
13. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
14. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003.
15. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русско-го языка. – М.: ООО «Издательство «Астрель»; ООО Издательство АСТ», 2003.
16. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – № 4. /Справочно-правовая система Консультант Плюс/.

17. Костромичева М.В. Об одном случае инвективного употребления // Русский язык в деятельности юриста: Право, этика, культура, нравственность: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. А.Е. Жукова, Е.Э. Грибанской. – Брянск: БФ Мос У МВД России, 2009. – С. 119-124.
18. Кузовлев В. Не подкалывай, обидно! // Орловский меридиан. – 28 октября 2009 г. – № 43 (552).
19. Лекарев С. Ностальгия по антисоветским шашлыкам // Аргументы недели. – 1 октября 2009 г. – № 39 (177).
20. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: «НОРИНТ», 2001.
21. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. – М.: Волтерс Клувер, 2005. / Справочно-правовая система Консультант Плюс.
22. Немов Р.С., Алтунина И.Р. Социальная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008.
23. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора / Михаил Осадчий. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
24. Пастухов В. Онашисты // Аргументы недели. – 8 октября 2009 г. – № 40 (178).
25. Скловский К. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // Хозяйство и право. – № 3. – 2005. /Справочно-правовая система Консультант Плюс/.
26. Словарь русского языка / Главный редактор А.П. Евгеньева. – Т. IV. – М.: Русский язык, 1984.
27. Современный толковый словарь русского языка / Гл. редактор С.А. Кузнецов. – СПб., М.: Регал-Норинт, 2008.
28. Социология. Основы общей теории: Учебник / Отв. ред. Г.В. Оси-пов, Л.Н. Москвичев. 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Норма, 2008.
29. Тельпис Т. Геям не удалось посадить тамбовского губернатора // Комсомольская правда. – 30 июля 2008 г.
30. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Склярёвской. – М.: Аст-рель: АСТ: Транзиткнига, 2005.
31. Тучинская И. Призыв «Убей хачей!» все же признали экстремистским // Комсомольская правда. – 25 сентября 2009а. – № 143 (24366).
32. Тучинская И. «Убей хачей» – теперь не экстремизм? // Комсомольская правда. – 29 августа 2009б. – № 128 (24351).
33. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. Издание исправленное и дополненное / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Инфра-М, Контракт, 2006. /Справочно-правовая система Консультант Плюс/.

34. Уголовное право России. Часть особенная: учебник для вузов. 2-е изд., доп. / под. ред. Л.Л. Кругликова . – М.: Волтерс Клувер, 2004. /Справочно-правовая система Консультант Плюс/.